

Бабушкино облако

— Бабушка-а,— в длинной ночнушке до пят я ныряю под одеяло,— расскажи сказку.

Прижимаюсь к мягкому, раздобревшему телу, от которого пахнет сеном, молоком и сладким пóтом. С шумом втягиваю носом этот запах и готовлюсь слушать.

— Чего рассказывать? Я и рассказывать-то не умею.
— Тогда почитай.

Бабушка тяжело переворачивается на бок и тянется к тумбочке, где лежит потрёпанная книжка с цветными картинками.

— Только не ёрзай! — она надевает круглые очки в толстой оправе. — «Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато, когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и нарвали полные карманы огурцов».

— Бабушка, ты вчера этот рассказ читала и поза-вчера.

— Хороший рассказ, правильный. Слушай и запо-минай.

Я слушаю. И запоминаю. На всю жизнь. И каж-дый раз боюсь, вдруг этот Котька испугается и огурцы не вернёт. Но Котька храбрый, он всегда огурцы сторожу возвращает.

— Ну, теперь спи.

Бабушка аккуратно вынимает пластмассовую гребёнку из седых волос. И там, у неё в волосах, получаются тонкие бороздки. Она снова пово-рачивается на бок и выдёргивает провод лампы из розетки.

В темноте я слышу, как она молится, тороп-ливо крестясь:

— Господи благослови, Царица Небесная, Матушка родная.

За окном воет соседский пёс.

— Не к добру,— заключает бабушка.

А я лежу и думаю: какое оно, это недобро? И как сделать так, чтобы оно не наступило?

Мыслями уношусь высоко-высоко в небо. Там становится темно, а я— такая крохотная точка, вот-вот исчезну. И не будет больше ничего. Меня не будет. И бабушки не будет. И так страшно становится. Жутко. Бр-р-р.

— Бабушка,— я прижимаюсь к ней ещё теснее,— а ты правда молодой была?

— Правда.

— Как моя мама?

— Как ты.

— Не может быть! — отвернув одеяло, я сажусь в кровати.

Бабушка легонько тянет меня к себе. Укрывает ноги и тщательно подворачивает одеяло.

— Спи уже,— вздыхает она. — Утром в лес иди, пока ягода добрая, росой напитая.

— А что, бывают злые ягоды? — я натягиваю одеяло до самого носа.

Кажется, соседский пёс перестал выть. Тишина. — Быва-а-ают,— широко зевает бабушка. — Такие ягоды далеко за горой растут. Баба Шара, которая на хуторе живёт, их по ночам собирает. Сушит, а потом в ступе толчёт. Слова страшные на них наговаривает.

— А потом? — моё сердце колотится. Мурашки по коже пупырышками вскакивают. И даже пальцы покалывает.

— Потом она толчённые ягоды с мукой смешивает и пироги печёт. Узнает, кто из детей по ночам не спит, так их пирожками и угощает.

— Ой,— я вскрикиваю и закрываю руками рот. — Она вчера мне пирожок давала. Я съела.

— Ну вот, вырастут у тебя теперь заячьи уши и нос пяточком.

— А говоришь, сказки рассказывать не умеешь,— я надуваю щёки и вытягиваю губы.

Снова завыл соседский пёс. На чердаке заскребе-ла мышь. Нет-нет да и скрипнут половицы, словно изредка переговариваются друг с другом.

— Бабушка-а,— снова тяну я шёпотом. — А когда люди умирают, они на небо улетают?

— На небо.

— И ты туда полетишь?

— Полечу. Сяду на облако и на тебя смотреть буду.

— Ты только сегодня не улетай и завтра. И ещё долго не улетай, хорошо? А то мне без тебя скучно будет.

— Ну, это уж как Бог положит.

Я чувствую, что она улыбается. Значит, не уле-тит пока. А сама представляю, как Бог каждому человеку кладёт в тарелку кашу. Кому-то ложку, кому-то две, а кому-то и до краёв. Если ты хороший и добрый человек, тебе Бог много-много вкусной

каши положит. И мне кажется, что её нужно есть не спеша, маленькими ложечками.

— А расскажи, как ты маму нянчила!

— Ой, зыбну люльку об пол и побегу корову доить. Вот и всё,— усмехается бабушка.— Люлька потом долго-онько на пружине качается.

— А тебе не жалко маму было?

— Тогда не жалели. Время другое.

— Какое?

— Трудное.

— А меня тебе жалко?

— Жалко,— соглашается бабушка.— Вот твой де-душка меня всегда крепко жалел.

— За что?

— А ни за что, любил очень, вот и жалел.

Жалеть— значит, любить, думаю я про себя. И мне становится всех-всех жалко. И даже соседа Ваську, который в меня из самодельной трубки черёмуховыми косточками стреляет. Наверное, это из-за того, что у него велосипеда нет, а у меня есть. Завтра днём обязательно дам ему прокатиться.

А рано утром я с бабушкой в лес пойду. Она возьмёт огромную плетёную корзину. А я буду срывать маленькие жёлтые пуговицы цветов пижмы. Кажется, их можно пришить к платью и пахнуть летом. И чем крепче их пришьёшь, тем дольше оно будет.

Но лето всегда заканчивается. А потом ещё одно и ещё.

— Ма-ам, почитай сказку,— просит меня сын.

Мы лежим с ним в той самой комнате. Правда, не осталось дивана, свидетеля наших с бабушкой ночных разговоров. Но на чердаке я нашла ту самую потрёпанную книжку с цветными картинками.

— «Огурцы»,— читаю я название.

— Не-е, про огурцы скучно, давай про машины или про роботов.

— А ты слушай. Слушай и запоминай. Этот рассказ ещё бабушка мне читала.

— Расскажи, какая она была.

— Бабушка?— я задумываюсь.

Трудно подобрать слова, простые и правильные. Наконец нахожу нужное:

— Честная. Бог ей много положил.

— Чего положил? Каши?

Сын смеётся детским залиvistым смехом, в котором ещё нет страха и боли утраты. А я закрываю глаза и чувствую, что бабушка, как и обещала, сидит на облаке, смотрит на нас и улыбается.

Крапчик

В тот день я возвращался из школы со своим другом Славиком.

— Таких умных лабрадоров, как моя Лакки, ни у кого нет,— хвастался он.— Я ей говорю: «Лакки, тапки!» Она мигом под кровать залезает или нос

за диван суёт, это смотря где я их оставил, и несёт мне тапки.

— Сразу два?— не поверил я.

— Не, ну, сначала один найдёт, потом другой. Вот, ещё я команду: «Лакки, умри!» Она ложится на пол и лапы вверх вытягивает. Такая умора. А больше всего мне нравится, как во время обеда я перед её носом сосиской машу, ну, дразню так. А она отворачивается. Знает: со стола ничего брать нельзя.

— И не жалко тебе её?

— Слушай, Вовка, с собаками строгость нужна. Она знать должна, кто хозяин в доме. Тогда и слушаться будет, и любить.

Я-то знаю, как Лакки Славика «любит». Стоит ему на неё прикрикнуть, она хвост поджимает. А если он замахнётся, так она начинает скулить.

Проходя мимо куста сирени, мы увидели кота. Он замер с поднятой передней лапой и приготовился к прыжку: спина прямая, хвост подрагивает. — Вовка, смотри,— зашептал Славик,— сейчас птичку поймает.

В кустах раздался тонкий жалобный писк: «Чак... Чак...»

— Брысь!— я прыгнул к коту.

Кот отскочил, удивлённо посмотрел на меня и снова двинулся к кустам.

— Ты чего?— возмутился Славик.— Сильный съедает слабого. Это закон природы.

— А закон человека— сильный помогает слабому!— ответил я и направился в ту сторону, откуда снова донёлся слабый писк.

За кустом в листьях подорожника сидел птенец. Взъерошенный, размером с воробья. Я задрал голову. Хотел найти гнездо, из которого он выпал, но ничего не увидел. Неожиданно птенец отпрыгнул и завалился на бок. Я протянул к нему руку. — Вовка, да оставь ты его. Он всё равно погибнет. — Домой его отнесу,— я осторожно взял птенца.

Ладонями почувствовал, как быстро бьётся его сердце.

— Тебе родители не разрешат.

— Сам разберусь!

Славик только пальцем у виска покрутил. Оставшуюся дорогу мы шли молча.

Дома я поставил на письменный стол коробку из-под конструктора, устелил дно кусочками туалетной бумаги и положил туда птенца. Он улёгся на бок и тяжело задышал.

— Ты, наверно, пить хочешь? И есть тоже?

Как и чем его кормить я не знал. И даже не знал, кто он. На воробья непохож, на синицу тоже. Сам серенький, а грудка светло-коричневая с тёмными крапинками. На головке по бокам торчком пух стоит. Ну вылитый недовольный старичок. Да ещё и клюв поджат, точно сердится.

«Чик, чак»,— запищал птенец.

— Сейчас, только посмотрю, как тебя кормить.

В Интернете я много полезного узнал о том, как и чем кормить птенцов. Из чайника налил в стакан воды. Окунул в него пипетку и поднёс её к жёлтому клюву птенца. Сначала он отворачивался, и я его всего измочил, но всё-таки влил ему несколько капель.

Затем сварил яйцо и почистил морковь. Пока её тёр, все пальцы исцарапал. Мелко крошил яйцо и смешал с морковкой. Осторожно раскрыл птенцу клюв и положил еду прямо в него. Птенец заморгал и проглотил.

— Отдохни пока, а я почитаю, как за тобой ухаживать.

Птенец лёг и прикрыл глаза. А я уселся на кровать и нырнул в Интернет. Так увлёкся, что даже не заметил, как родители с работы вернулись.

— Опять в планшете сидишь? — в комнату вошла мама.

Я испуганно посмотрел на неё и зачем-то спрятав планшет за спину.

— Сходил бы мячик во дворе попинал, — крикнул из коридора папа.

«Чик-чак», — донеслось из коробки.

Мама прислушалась и подошла к столу.

— Ты посмотри, что твой сын домой принёс! — крикнула она папе.

Он вошёл в комнату и тоже заглянул в коробку.

— Хо, так это слеток, — папа рассматривал птенца. — Кто? — в один голос спросили мы с мамой.

— Сле-ток. Птенец, который только учится летать.

— А вдруг там рядом его родители были? — спросила мама.

— Я смотрел, никого не было!

— Они бы ему всё равно не помогли, — задумчиво произнёс папа. — Он уже слишком тяжёлый, его в гнездо не поднять.

— Что же нам с ним делать? — мама осторожно погладила головку птенца.

— Я уже всё знаю. Сейчас, только покормлю его, — сказал я и убежал на кухню.

Вернувшись, снова напоил птенца через пипетку. Он уже не отворачивался, а послушно открывал клюв и с жадностью глотал. Потом в ход пошли яйцо и морковь.

Папа с мамой удивлённо смотрели на меня.

— Птенца нужно кормить каждые два часа, — объяснял я, а сам боялся, что родители заставят отнести его обратно. — Давать ему варёное яйцо, пшённую кашу, творог, ягоды и листья одуванчика. — Вот это да-а, — папа хлопнул меня по плечу. — Удивил!

А мама достала с книжной полки энциклопедию о животных.

— Давайте узнаем, что у нас за гость? Сам он вряд ли представится, — она внимательно взглянула на птенца. — Так-так, ты у нас крапчатый и невероятно симпатичный. Хоть и делаешь вид, будто чем-то недоволен.

Я присмотрелся. Вокруг глаз чёрная обводка, поэтому кажется, что у него сердитый вид.

— Ага! — мама пальцем постучала по картинке в книге. — Теперь понятно, что ты за птица.

Внизу была надпись: «Дрозд-рябинник».

— Давайте ему имя придумаем, — предложил я.

— Послушай, — папа серьёзно посмотрел на меня. — Птенцу требуется постоянная забота. А у тебя школа.

— Я справлюсь, честное слово, — в горле у меня отчего-то запершило, а глаза заслезилась. — Он же... на улице... его кот поймает.

— Ты теперь за него в ответе, — мама положила энциклопедию на стол.

А я обнял коробку и прошептал:

— Тебе нравится имя Крапчик?

«Чик-чак», — ответил птенец.

Крапчик просыпался в шесть утра. В это время я уже мчался на кухню и готовил ему еду.

В школе я с трудом дожидался конца второго урока. Перемена шла двадцать минут. Я успевал сбежать домой и вернуться обратно.

«Чик-чак-чик!» — чирикал Крапчик, когда я входил в квартиру.

— Вот хитрюга, — я бросал ему в клюв пшённую кашу и свежие листья одуванчиков, сорванные по дороге из школы.

Теперь он совсем меня не боялся. Запрыгивал на мою ладонь и крепко цеплялся за неё упругими лапками.

— Кра-апчик, — я гладил его по головке, с которой совсем исчез пух.

Птенец важно задирает клюв, а потом спрыгивал с ладони и смешно плюхался в коробку. Он всё ещё не умел летать.

Однажды, возвращаясь из школы, я принёс домой ветку сирени. Посадил на неё Крапчика и поднёс к кровати. Взмахнул веткой. Крапчик подпрыгнул, расправил крылья и упал на подушку. — Ничего, с первого раза ни у кого не получается. Давай ещё попробуем.

Я снова сажал птенца на ветку и взмахивал ею. Крапчик каждый раз падал на подушку, но уже дольше задерживался в воздухе.

Через несколько дней он, наконец, полетел. С моей ладони он перелетал на книжную полку. А потом планировал обратно ко мне на руки.

Однажды, как только кончились уроки и я схватил портфель, чтобы скорее бежать домой, ко мне подошёл Славка:

— Вовка, пойдём мяч погоняем.

— Не могу я. Меня Крапчик ждёт.

— Подумаешь! А мне Лакки выгулять нужно. Но она умная, будет терпеть, пока я не приду.

— А Крапчик терпеть не может, его кормить надо. — Ну, пойдём тогда к тебе, покажешь своего цыплёнка.

— Это дрозд-рябинник, — пробурчал я.

Когда мы пришли домой, из комнаты раздалось радостное чирикание: «Чак-чик-чак!»

Я скинул кроссовки, вбежал в комнату и подставил ладони:

— Крапчик!

Птенец сидел на книжной полке и раскрывал клюв.

— Ничего себе, летать научился! — удивился Славка.

— Ага, смотри, как он умеет, — я подставил ладони и позвал: — Крапчик!

Птенец наклонил голову вбок, мигнул глазом-бусиной и слетел ко мне на руки. Славка осторожно погладил его спинку.

— Надо заняться его дрессировкой. Тапочки он тебе, конечно, не принесёт. Но должна же от него быть какая-то польза.

— Не нужна мне никакая польза. Я его и так люблю. — Ну, пусть он хотя бы тебя встречает. Чтобы понимал: хозяин домой вернулся.

Славка схватил Крапчика и пошел в коридор. Я за ним:

— Отпусти его, не нужна нам никакая дрессировка. — Да ты мне ещё спасибо скажешь! — Славка открыл входную дверь. — Смотри, заходишь в дом и кричишь: «Крап-чик!» — а он вылетает из комнаты и к тебе на плечо садится, как настоящий попугай.

Славка раскрыл ладонь. Птенец взмахнул крыльями и вылетел в подъезд. Сначала ткнулся клювом в стекло на этаже, а затем шмыгнул в открытую форточку.

— Кра-апчик! — я побежал за ним.

Выскочил на улицу и ещё долго звал. Но он так и не вернулся.

— Прости, Вовка! Я не хотел, честное слово, — Славка стоял рядом со мной и, опустив голову, тербил пуговицу на рубашке. — Ну, пока тогда.

И он ушёл. А я сел прямо на землю около рябины во дворе и заплакал. Там меня и нашли родители, когда с работы возвращались.

— Вова! — мама бросилась ко мне. — Что случилось?

— Я... я... я с ним даже попрощаться не успел... — слёзы текли по моим щекам.

— Рано или поздно тебе пришлось бы его отпустить, — папа приобнял меня за плечи и повёл домой.

Вскоре начались летние каникулы, и родители отправили меня в деревню к бабушке. Когда я видел, как воробы и сойки таскают ягоды с кустов смородины, то сразу Крапчика вспоминал и грустил.

Незаметно лето закончилось, пора было возвращаться в школу. Со Славкой я почти не разговаривал. Никак не мог его простить. Он несколько раз звал гулять, но я отнекивался и уходил домой.

Однажды в начале апреля в квартиру стали настойчиво звонить. «Дзынь, дзынь, дзынь», —

дребезжал звонок. Я открыл дверь и увидел на пороге Славку вместе с Лакки.

— Вовка, пойдём скорее!

— Куда? — безразлично спросил я.

— Там... они... — Славка уже сбежал по лестнице. — Быстрее, а то опоздаем!

Я не хотел никуда идти, но всё-таки набросил куртку и вышел вслед за ним. Около подъезда на рябине сидели птицы, серенькие, с тёмными крапинками на бежевых грудках. Их было не меньше пятнадцати. Они клевали засохшие ягоды.

— Давай! — подбодрил меня Славка. — Попробуй!

Я протянул руку и неуверенно позвал:

— Кра-апчик.

В этот момент одна из птиц взлетела и опустилась на мою ладонь.

— Крапчик, миленький мой, хороший, — я гладил его и чувствовал, что сейчас расплачусь. Только теперь от счастья.

Славка стоял рядом и улыбался. Он обнимал Лакки за шею, а она крепко прижималась к его ноге.

Секретная операция

Бабушка страшно огорчилась, увидев в нашей теплице несметные полчища крохотных чёрных муравьёв.

— Ну, я сейчас твоей маме позвоню, пусть на выходных средство привезёт, чтобы муравьёв извести! — сказала бабушка и с воинственным видом вышла из теплицы.

А я ходил вдоль грядок взад-вперёд и думал. Как спасти муравьёв? Так увлёкся, что потоптал укроп, морковь и свёклу. До приезда мамы оставалось всего три дня. Нельзя было терять ни минуты.

Я отправился к соседу Борьке. Он в третий класс перешёл и, наверное, стал уже очень умным. А я только осенью в первый класс пойду.

— Бо-орька! — крикнул я.

Лохматая Борькина голова тотчас высунулась из окна, будто он только и ждал, когда его позовут. — У меня секретное дело! — ещё громче заорал я. — Можешь выйти?

— Если секретное, зачем так шуметь? Сейчас выйду.

Борька спустился на крыльцо с таким видом, будто его отвлекают от важного дела.

— Чего тебе? — и нарочно широко зевнул.

— Ты про муравьёв что-нибудь знаешь?

— Не понял.

— Ну, что-нибудь особенное про муравьёв?

— Зачем тебе?

— Вот заладил: чего да зачем, — не выдержал я. — Значит, не знаешь!

— А зачем мне знать? Сейчас «о'кей гугл» нам поможет! Только ты всё-таки скажи: для чего? — настаивал Борька.

— У меня секретная операция по спасению муравьёв!

— И зачем их спасать?

— Муравьи забирались в нашу теплицу. Бабушка собирается с ними бороться. А я хочу их спасти.

— Понятно. Сейчас посмотрим.

Борька ушёл в дом, а через минуту вернулся с планшетом.

— Значит, так: «Му-ра-вей»,— он ввёл слово в поисковик.— Ага, нашёл.

Борька читал про себя и хихикал. А мне тоже интересно.

— Давай вслух читай!

— Вот, например, они едят на огороде землянику, овощи и даже цветы! В общем, вредители твои муравьи.

— А мне всё равно их жалко!

— Смотри-ка, у муравьёв куча профессий: строители, солдаты, нянечки. Даже врачи есть, они отгрызают повреждённые ножки у муравьёв, чтобы те не хромали. Ничего себе! А муравьи-листорезы скручивают листья в муравейнике и выращивают из них грибы! О, ещё фермеры есть.

— А фермеры зачем?

— Фермеры тлю разводят. Тля высасывает из растения сок, а потом приходит муравей и начинает её щекотать. А она ему свой сахарный сироп отдаёт. О, а это вообще фантастика!— Борька опять про себя читать начал.

— Мне-то дай посмотреть!

— Да погоди ты! Представляешь, муравьи эту тлю пасут: переносят её с одних растений на другие, а осенью заносят в муравейник, чтобы тля не замёрзла. А в опасные моменты уносят её в своих челюстях!

— Ничего себе, какие умные!— я даже порадовался за муравьёв.

— Ого, смотри! Некоторые жители Африки яйца муравьёв на хлеб намазывают. Это наподобие наших бутербродов с икрой.

— Вот видишь, а если каждый с муравьями бороться или поедачь начнёт? Тогда их вообще не останется!

— Да, выходит, ты хорошо придумал, что их спасти нужно. Во, нашёл!— обрадовался Борька.— Муравьи боятся петрушку.

— Да у нас этой петрушки целое море на грядках.

— Тогда головы копчёной селёдки.

— Что, селёдку посадить?— удивился я.

— Да не посадить, а разбросать эти головы рядом с муравьями, и они уйдут. То есть не головы, конечно, а муравьи уйдут.

— Ага, Барсик сорвёт нам всю операцию. Он знает как рыбу любит? Нет, тут что-то другое нужно.

— Так-так,— произнёс Борька,— что у нас дальше? Табачный пепел! Его надо в банку собрать и тоже рассыпать там, где муравьи ползают.

— А где я его возьму? Я не курю, бабушка тоже.

— Ну ничего тебе не нравится! Тогда соль. Вон тут пишут: чтобы сделать жизнь муравьёв невыносимой, нужно везде соль рассыпать.

— Зачем невыносимой? Слушай, я к тебе за помощью пришёл, а ты хочешь бедных муравьёв погубить.

— Да тут больше ничего не написано!— возмутился Борька.

— А ты знаешь, что муравьи любят есть больше всего на свете?

— Во даёт!— он покрутил пухлым пальцем у виска.

— Я подумал, муравьям нужно проложить тропинку до леса из того, что они любят. Тогда они по ней уйдут в муравейник. И останутся там жить.

Борька уселся на скамейку:

— Вот ты любишь сладкое?

— Люблю,— пробормотал я.

— Ну вот! А муравьи что, не люди, что ли? Ой, то есть не звери? Я хотел сказать: не насекомые, что ли?

— Ага, спасибо, понял,— закивал я и уже собрался домой бежать.

— Понял он! Давай рассуждать дальше,— сказал Борька с важным видом.— Ты же не проложишь тропинку из конфет? Это тебе килограмм десять понадобится.

— Это да-а-а,— протянул я.

— Торт им тоже не накروшишь.

— Почему?

— А потому! Пока ты его на кусочки разламывать будешь— половину сам съешь!

— Может, и съем,— неохотно согласился я.

И тут Борьку осенило:

— Точно! Как же я сразу не догадался? Сахар! Мы насыплем им сахар!

— Мы? Ты вместе со мной их спасти будешь?— я даже оторопел.

Борька никогда не звал меня с собой играть.

— Конечно! Это теперь наша секретная операция.

Договорившись, что каждый возьмёт из дома сахара сколько сможет, я побегал к себе, а Борька к себе. А когда встретились, у нас получился довольно большой пакет. Вечером моя бабушка ушла домой, а мы незаметно пробрались в теплицу. И стали насыпать из пакета тоненькую белую дорожку. Вышли к грядкам картошки. Перелезли через забор и гуськом, продолжая насыпать сахар, двинулись вдоль старой заросшей дороги.

— А вдруг они его в траве не найдут?— спросил я.

— Найдут!— уверенно ответил Борька.— По запаху.

Вскоре мы очутились у пролеска. Здесь был большой муравейник. Хорошо, что мой дом на окраине деревни.

— Думаю, этот муравейник подойдёт,— решил Борька.— И в лесу стоит, и от деревни недалеко. А соскучатся— будут в гости приходить.

— Нет уж, в гости не надо.

Борька заулыбался.

— Слушай,— я вдруг испугался,— а если муравьи из этого муравейника по сахарной тропинке,

наоборот, в нашу теплицу придут? И там жить останутся?

— Делать им, что ли, нечего? Здесь в лесу гуляй — не хочу, а в теплице твоей особо не разбежишься. Теснота.

Утром я сразу помчался в огород. И как же расстроился, когда увидел лужи. Ночью шёл сильный дождь — весь сахар растаял. А муравьям хоть бы что. В теплице сухо. Они, наверное, съели весь сахар, вон какие довольные ползают! И даже, кажется, подросли за ночь.

— Борька! — снова кричал я под его окном.

Заспанный Борька вышел на крыльцо.

— Ты чего в такую рань? — он с трудом разлепил глаза.

— Пока ты дрых, наша операция провалилась!

— Куда провалилась?

— Посмотри, какие лужи! Сахар растворился.

— Да-а-а, — протянул он и добавил: — Уже четверг. Нам осталось два дня. Будем думать.

Мы сели на скамейку и начали думать. Вокруг стояла тишина, только изредка где-то лаяли собаки да кричал чем-то недовольный петух.

— А давай, — встрепенулся Борька, — про лес им расскажем, про муравейник! Картинки покажем всякие. Может, они и не знают, что есть другая жизнь?

Он взял планшет, и мы отправились в теплицу. Нашли видео про строительство муравейника. Борька громко рассказывал, как в лесу хорошо живётся, как там просторно. Не знаю, слушали его наши муравьи или нет, но планшет они облепили и с интересом по нему ползали. Изучали, наверно. Затем Борька попытался забрать планшет, аккуратно смахивая с него муравьёв. И один его всё-таки цапнул.

— Ай, — взвизгнул Борька, — я тут его спасаю, а он кусается!

Я захохотал, но тут же сам взвизгнул, растирая укусы.

— А нечего над другими смеяться! — наставительно произнёс Борька. — Я вот читал, что бывают муравьи-пули, у них яд сильнее, чем укусы осы. Индейцы в некоторых племенах вплетают их в перчатку, сделанную из листьев, и надевают её на руку маленьким мальчикам. Так они воспитывают в будущих мужчинах стойкость.

Мы внимательно посмотрели на суеящихся муравьёв, но решили не испытывать себя на стойкость. На всякий случай мы снова проложили тропинку от теплицы до муравейника, только теперь не из сахара, а из кусочков яблока.

В пятницу утром я снова побежал в огород. Сначала проверил тропинку в грядках. Но там уже не было ни одного кусочка яблока. Тогда я помчался в теплицу. И просто застыл от удивления. Муравьёв стало ещё больше. Они облепили яблоки, и, казалось, за одну ночь размножились в тысячу раз. Я скорее бросился за ведёрком и

лопаткой. Сложил туда остатки яблок и выбросил их подальше от дома. А потом догадался, что яблоки на тропинке склевали бабушкины куры. Они у нас гуляют где им вздумается.

— Бо-о-о-орька! — кричал я.

— Ушли? — из окна высунулся Борька, уже умытый и причёсанный.

И мы снова сидели у него на крыльце, повесив носы, и снова напряжённо искали выход.

— Может, они мясо любят? — неуверенно сказал Борька.

— Ага, с кетчупом и майонезом!

— Ну не жареную же картошку? — не унимался он.

За весь день мы так ничего и не придумали. Вечером сидели с Борькой уже на моём крыльце. Вдруг я увидел, как рядом со мной по скамейке ползёт муравьишка. Он казался очень печальным и одиноким.

— Потерялся? — я подставил ему палец.

Муравьишка забрался на него и радостно тряхнул усиками.

Тут как раз бабушка вышла с миской пшена:

— Пойди курочек покорми.

— Ага, — кивнул я, — сейчас.

Я взял миску одной рукой, а на другой сидел муравей.

— Давай сначала домой его отнесём. А то уже темнеет, ему одному страшно будет.

В теплице я поставил миску пшена на помидорную грядку и осторожно поднёс палец к земле. Муравей проворно спустился по нему и побежал к своим друзьям. Мы с Борькой ещё немного посидели и понаблюдали, как муравьи уходили в норки — спать, наверное. Тут я махнул рукой и... просыпал всё пшено. Теперь точно от бабушки влетит.

Как мы ни старались собрать пшено, но оно ещё больше проваливалось в землю.

— Давай завтра утром его соберём. А то сейчас уже не видно ничего, — предложил Борька.

Я согласился и с тяжёлым сердцем пошёл домой. Завтра мама привезёт средство для борьбы с муравьями.

Ночью сквозь сон я слышал, как недовольно кричал наш петух. Наверное, возмущался, что я так и не покормил его вместе с курами.

А на следующее утро Борька первый прибежал к моему дому. Я ещё даже как следует не проснулся. Мы отправились собирать пшено, пока бабушка ничего не обнаружила. На грядке в теплице всюду виднелись крохотные жёлтые зёрнышки. И — одного муравья. Исчезли, будто провалились.

— Не может быть! Неужели ушли?

Я не мог в это поверить.

— Получилось! — радостно закричал Борька и тут же на всякий случай поковырял в земле пальцем — никого.

Я обежал вокруг теплицы. Заглянул под каждый листочек, но ни одного муравья не было!

Довольные, мы сидели у меня на крыльце и ждали мою маму.

— Ничего себе, пшена испугались! — радовался Борька.

— А я люблю пшённую кашу.

— И я люблю, — признался Борька.

— Вот с чего нужно было начинать! — осенило меня.

— С чего?

— С того, что муравьи больше всего на свете не любят!

— Как думаешь, они в лес ушли?

Вдруг калитка отворилась, и во двор трусцой вбежала Борькина бабушка. Она тяжело привалилась к столбу, чуть отдышалась и взволнованно произнесла:

— Боря! Идём скорее. У нас в теплице муравьи завелись.

От неожиданности Борька свалился с крыльца. И, сидя на траве, ошалело смотрел то на бабушку, то на меня.